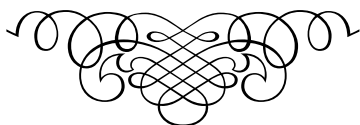
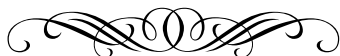

Посвящается Урсуле,
которая тоже услышала зов пингвинов
и последовала ему.

1

ВЕРОНИКА

Баллахеи, Эйршир, Шотландия

— Я попросила Эйлин найти пингвинов здесь, в Шотландии.

Дейзи вскрикивает от восторга и спрыгивает с дивана. Я переживаю, что ее резкие движения повредят обивку, но всегда успокаиваю себя тем, что это хотя бы не дорожущее кресло времен Королевы Анны, в котором сижу я, когда мы проводим время в этой маленькой комнате — одной из двух гостиных в Балахеях.

Энергия Дейзи порой становится разрушительной.

— Тебе не нужно просить Эйлин, — дерзко заявляет она, но я решаю не обращать внимания на эту дерзость — все-таки она болеет. — Я могу найти пингвинов в Шотландии с помощью телефона.

Она роется в своей яркой разноцветной сумке, достает телефон и размахивает им в разные стороны. Телефон представляет собой небольшой плоский прямоугольник, но я знаю, что девочка прекрасно умеет с ним управляться.

— Убери-ка эту штуковину, — говорю я. — Какая гадость — видеть, как девятилетняя девочка тратит свою жизнь на такую ерунду.

— Гадость? Смешное слово!

— Ничего смешного, поверь мне.

Дейзи убирает телефон обратно в сумку. Кажется, мы уже забыли, о чем шла речь, и это, на мой взгляд, не очень хорошо. И не потому, что я быстро все забываю (моя память, как и всегда, в прекрасном состоянии), но в разговорах с Дейзи легко потерять суть, потому что ее детский ум то и дело перескакивает с одного на другое. Я поспешно возвращаюсь к теме разговора, пока мы окончательно не забыли о ней.

— Пингвины, — напоминаю я, — Это не просто развлечение, мы все должны брать с них пример. Они стоят того, чтобы их искать.

— Я знаю, — отвечает Дейзи. — «Помни о пингвинах».

Эти слова я часто повторяла девочке как мантру, чтобы немного развеселить ее во время курса химиотерапии, который она проходила перед Рождеством. Пингвины, кроме того, что они просто очаровательны, стали для меня олицетворением храбрости, упорства и стойкости. Каждый день они преодолевают трудности — долгие переходы по заснеженным пустыням, плавание в ледяной воде и попытки не стать кормом для тюленей, и поэтому символизируют для меня умение сохранять бодрость духа перед лицом невзгод. Я рада, что Дейзи как следует усвоила эту мысль.

Она забирается обратно на диван, встает на колени и, упираясь руками в подлокотник, выглядывает в окно, будто надеется увидеть одну из своих любимых птиц, ковыляющую по лужайке. Сад Баллахей может похвастаться несколькими прекрасными цветочными клумбами, фонтаном и выдающейся коллекцией кустов рододендрона, о которых заботится мистер Перкинс. Но, увы, никаких пингвинов там и в помине нет.

— Возможно, мне стоит заказать статую пингвина, — рассуждаю я. — Она прекрасно смотрелась бы среди кустов.

Дейзи приходит в восторг от одной мысли об этом. Ее огромные голубые глаза загораются энтузиазмом. Переносицу ее покрывает россыпь веснушек, а нос, хоть и растет не по дням, а по часам, все еще остается маленьким детским носиком-пуговкой. Ее губы, когда она не занята болтовней или едой, образуют форму бантика. Дейзи очень красивая девочка, даже не смотря на то, что потеряла все волосы. Правда оранжевый платок, повязанный вокруг ее головы, совершенно ей не к лицу. Я предлагала девочке купить парик, но она категорически отказывается. Все-таки очень она упрямая, эта Дейзи.

Я хочу с гордостью отметить, что как только девочка вышла из больницы и набралась сил, первым делом она захотела приехать ко мне в гости. Ее родители и брат побыли с ней в Балахеях первые дни, но затем им пришлось вернуться в Болтон. И хотя Дейзи все еще необходимо много отдыхать и принимать всякие лекарства, она утверждает, что чувствует себя менее уставшей, когда находится здесь. Я же, напротив, сильнее устаю. Но это того стоит.

Радостно осознавать, что я не растратила свойственное мне очарование, но и якобинская элегантность обветшалых Балахей наверняка сыграла свою роль в стремлении Дейзи вернуться сюда. Помимо садов, раскинувшихся на трех краях земли, здесь есть и другие вещи, которые будоражат ее живое воображение: дубовые панели на стенах, угловые каминные, несколько лестниц, а также двенадцать спален, наполненных разнообразным антиквариатом и предметами искусства. Ей особенно приглянулась скамеечка для ног в форме осла, каретные часы, пианола и глобус на ножках. И это я еще не упомянула о фотографии, которая висит в холле.

— Я тоже однажды отправлюсь в Антарктиду, как ты, Вероника, — говорит Дейзи. — И там я увижу Пипа.

Она резко подбегает к фотографии. Мне бы очень хотелось, чтобы Дейзи так не делала, потому что фото находится в большой тяжелой раме, и я боюсь, как бы она ее не уронила. Это моя самая любимая вещь — подарок от телеведущего Роберта Сэдлбуу, чьи документальные фильмы о дикой природе вдохновили меня совершить это эпическое путешествие. Теперь мне следует обращаться к нему сэр Роберт, так как на прошлой неделе, когда 2013-й год незаметно сменился 2014-м, его включили в новогодний список награжденных за особые заслуги перед Великобританией.

На фотографии Пип стоит на фоне снега. Когда я встретила его, это был серый пушистый шарик размером с чайную чашку. Теперь он совсем взрослый, с типичным для пингвинов Адели белым пузом и гладким черным оперением на спине, голове и лапах. Его явно запечатлели, пока он вразвалку куда-то направлялся, потому что одна нога занесена в воздух. Его ласты вытянуты, голова наклонена вперед, клюв открыт, а в глазах читается ум и пытливость.

— Он говорит: «Привет, Дейзи и Вероника», так ведь? — гадают Дейзи.

— Да, Дейзи, думаю, так оно и есть.

Иногда ложь намного проще и милосерднее правды.

Я гадаю, что же на самом деле происходит у Пипа в голове. На фоне можно увидеть размытые очертания других пингвинов, погруженных в свои ежедневные заботы. Этому снимку всегда удастся перенести меня в Антарктиду. Я бы все на свете отдала, чтобы снова увидеть сверкающие на солнце пейзажи и побродить среди этого огромного шумного скопления черно-белых птиц.

В сравнении с жизнью в Антарктиде повседневность здесь невероятно скучна: еда, сон, чтение, уборка мусора на побережье, решение, из какого сервиза пить

чай — «Веджвуд», «Роял Краун Дерби» или «Коулпортский фарфор»; Эйлин, которая ходит туда-сюда с пылесосом или банкой полироли из пчелиного воска...

Я очень ценю возможность жить с удобством. Но я не могу избавиться от горечи на душе. Никогда уже мне не пережить подобное приключение. Путешествия на другой край света вредят экологии и, кроме того, мое восьмидесятисемилетнее тело вряд ли справиться с еще раз с подобной нагрузкой. Но тоска по Антарктиде меня не покидает.

— В Шотландии нет пингвинов.

Ноа, брат Дейзи, несмотря на свой семилетний возраст, самый настоящий зануда.

— Пингвинов можно встретить только в южном полушарии, — утверждает он.

Мы общаемся с Ноа при помощи программы, которая называется «скайпа». «Скайп» (само название звучит ужасно) — одно из этих технологических новшеств, без которых молодому поколению никак не обойтись. Родители Дейзи установили его тут, в Баллахеях, чтобы ежедневно видеться с дочкой, пока она гостит у меня. Мы с Эйлин обе в ужасе от того, как этот «скайп» разрушил покой нашего дома, но пришлось смириться.

Сейчас Дейзи спорит с Ноа так громко, что мой слуховой аппарат начинает дрожать.

— В ШОТЛАНДИИ ЕСТЬ ПИНГВИНЫ! — визжит она. — И Я ТЕБЕ ЭТО ДОКАЖУ!

— КАК? — так же громко кричит Ноа в ответ. Я удивлена, что «скайп» еще не взорвался на тысячу кусочков.

— Прощу тебя, Дейзи. Подумай о люстре!

Девочка поднимает взгляд на люстру из уотерфордского хрусталя, которая висит прямо над ее головой и уже в самом деле слегка покачивается.

Она понижает голос и произносит следующую реплику настойчивым шепотом. Я слышу шепот, но совсем не разбираю слов.

Когда звонок закончен, она убегает в столовую, чтобы завалить Эйлин, которая смахивает пыль и напевает что-то себе под нос, вопросами. Эйлин уже научилась одновременно работать по дому и развлекать Дейзи, так что я оставляю их и поднимаюсь наверх, чтобы немного побыть в тишине.

Да, непросто жить с ребенком в доме, но никто не может сказать, что Веронике Маккриди не по силам такое испытание. Полагаю, что антарктические приключения говорят в мою пользу.

В спальне я листаю «Телеграф», в нем представлен обычный скучный перечень характерных для людей странных поступков и правонарушений. Я испытываю некоторое облегчение, когда дохожу до страницы с кроссвордом. Крайне важно тренировать серые клетки мозга, когда достигаешь определенного возраста, и я с удовольствием разгадываю загаданные в нем слова. К сожалению, мне никак не удается отыскать ручку. Я знаю, что оставила ее где-то здесь, но чертово орудие для письма куда-то спряталось мне назло. Тщательно обыскав каждый уголок и шель в бюро, я наконец нахожу ее рядом со стопкой открыток.

Так, а зачем я ее искала? Видимо, чтобы написать письмо своему внуку, Патрику. Затем Эйлин перепечатывает его на компьютере и отправит ему по электронной почте. Нужно рассказать ему все подробности пребывания Дейзи здесь. Я погружаюсь в кресло, чтобы подобрать слова, но мои веки становятся такими тяжелыми...

Когда я прихожу в себя, мой взгляд падает на часы, и я с тревогой отмечаю, что уже половина третьего. Я неуклюже поднимаюсь и спускаюсь вниз.

— Пойдем, Дейзи, дорогая. Пришло время отправиться на прогулку.

Я отвожу девочку на крыльцо, где она натягивает пуховую куртку, напоминающую спальный мешок, и шерстяную шапку с помпоном. Я же надеваю свое алое пальто и прочные прогулочные ботинки. Как всегда, я беру с собой трость, чтобы не упасть, и сумочку. Никогда не знаешь, в какой момент тебе могут пригодиться носовой платок или обезболивающее. Очень кстати, что Дейзи сопровождает меня, потому что ей очень хочется нести мешок для мусора и щипцы, чтобы его поднимать.

Родители девочки очень просили, чтобы она обязательно гуляла каждый день. В этом вопросе я совершенно с ними согласна. Своей выносливостью я обязана давней привычке ежедневно гулять по побережью Эйршира. Я не пропускаю прогулку даже в дни со снегом, градом или моросью, столь характерных для шотландского климата. Часто Эйлин умоляет меня остаться дома («О, миссис Маккриди, там слишком холодно сегодня»), что только утверждает меня в намерении отправиться на прогулку. Однако, когда сегодня мы с Дейзи выходим на улицу, никаких осадков нет, только серость, мрак и несколько кучек снега на земле. Мы выходим из парадных ворот Балахей и отправляемся к побережью по короткой тропинке. Живая изгородь по обе стороны сменяется кустами утесника, гладкими скалами и открытой местностью, которая дает ощущение свободы.

Дейзи тут же высматривает своим внимательным взглядом первый предмет мусора — пакетик от чипсов, застрявший в кусте папоротника. Она наклоняется к нему, захватывает щипцами и помещает в пакет с радостным возгласом.

Море и небо сегодня одинакового серебристого цвета, они сливаются на горизонте. Крики чаек кажутся приглушенными, и природа наполнена январским

предвкушением — будто ждет, когда все снова вернется к жизни. Я держу ровный темп, пока Дейзи бегает во круг и собирает новые трофеи: разорванный старый ботинок «Веллингтон», разбитую стеклянную бутылку, изогнутый кусок пластика, который, судя по всему, представляет собой часть миски для корма животных, банку из-под кока-колы и кусок толстой оранжевой бечевки.

Дейзи нравится управляться со щипцами, и я подумываю купить ей еще одну пару, которую она сможет забрать с собой домой. Это было бы хорошо и для нее и для природы Болтона, которой, я уверена, намного больше требуется уборка, чем Эйрширскому побережью. Приятно наблюдать, как она наслаждается жизнью. Когда мы возвращаемся в Баллахей, ее глаза блестят, а щеки наливаются цветом.

Эйлин встречает нас в дверях. Ее тугие кудри торчат во все стороны, подбородок трясется, а сама она горит от нетерпения, пока помогает нам снять верхнюю одежду. Позже она займется своими бархатцами в саду и будет сортировать мусор — что отправить на переработку, а что просто выбросить. Я повысила ей зарплату, чтобы покрыть неудобство от этой грязной работы и отплатить за все остальные поручения, которые она выполняет для меня.

К счастью, на кухонном столе нас ожидают чашечка свежезаваренного Дарджилинга и кружка горячего шоколада. Я делаю глоток чая, а Дейзи — горячего шоколада, Эйлин довольно смотрит на нас, скрестив руки на груди.

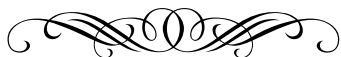
Я бросаю на нее вопросительный взгляд.

— Полагаю, тебе есть, что сообщить нам, Эйлин. Прощу тебя, не надо драматических пауз. Поделись с нами.

Эйлин расплывается в широкой улыбке.

— Я нашла пингвинов, — заявляет она.

2

ВЕРОНИКА

Нас везет Эйлин. Я и сама умею водить машину, но бросила это дело три года назад. Доктор недвусмысленно намекнул мне, что мои реакции в полном порядке, и я прекрасно вижу вдаль. Но после того небольшого столкновения моего «Ягуара» с неприятным молодым человеком на «Воксхолле» я решила, что вполне себе проживу без такого рода стрессов.

Снег, который выпал на прошлой неделе, уже растаял, и стоит прекрасная солнечная погода. За окном проносятся зеленые холмы Шотландии на фоне покрытого кучевыми облаками неба. Дейзи притихла на заднем сидении машины (я подозреваю, что она украдкой листает «социальные сети» в своем телефоне), а Эйлин напевает себе под нос, пока ведет машину, время от времени комментируя: «Прекрасный день для такого дела» и «Красивые облака, не правда ли?».

Наконец мы пересекаем перекресток и сворачиваем налево под низко висящую вывеску с надписью «Океанариум Лохнаморги».

— Вероника, мы должны сделать селфи с пингвином! — скандирует Дейзи позади меня, когда мы заезжа-

ем на свободное место в дальнем конце парковки. — Ты ведь согласишься сделать селфи с нами?

— Вполне возможно, — уверяю я ее, не желая показывать, что не очень понимаю значение слова «селфи». Если это что-то вроде стойки на руках или шпагата, то я не собираюсь в этом участвовать — мои конечности на такое уже не способны.

Мы с Эйлин и Дейзи заходим внутрь через большую вращающуюся стеклянную дверь.

Бойкая женщина на стойке регистрации сразу же переходит к делу:

— Аквариум дальше. Пройдите до конца по коридору и следуйте указателям, чтобы найти тюленей, выдр, морских птиц и пингвинов.

Мы идем по указателям через лабиринт проходов, увешанных разными плакатами с информацией о морской жизни, которые нас совершенно не интересуют. Мы также не обращаем внимания на зловещего вида кальмаров, осьминогов, медуз и других существ с щупальцами или чешуей, которые плавают в серых водах аквариумов, расположенных вдоль стен. Мы трое прекрасно понимаем, куда и зачем мы идем. Дейзи убегает вперед и возвращается к нам, полная щенячьего восторга.

Здесь не будет пингвинов Адели. Учítывая, что они родом из Антарктиды, было бы неправильным держать их здесь, в теплых краях. Но будут другие виды, те, которые привыкли жить в более мягком климате.

Когда мы подходим к вольеру, поначалу я не вижу ничего, кроме парочек и семей с детьми, которые носятся вокруг. Мы проходим вперед. Это просторное помещение с натянутой на потолок сеткой и изогнутым бассейном с водой неестественного синего цвета. Некоторые участки огорожены красной лентой, и за ней я вижу стайку птиц, стоящих среди камней, песка и нескольких низких кирпичных пещер.

Эйлин пробирается вперед, расталкивая людей и выкрикивая: «Простите, прошу прощения!», чтобы мы могли удобно встать и рассмотреть пингвинов. Дейзи дрожит от нетерпения. Я тоже стараюсь изо всех сил высмотреть пингвинов. Наконец я их вижу. У африканских пингвинов (также известных как очковые, или ослиные пингины) белый ободок вокруг головы, черная полоса на груди и розовые пятна около глаз. Большинство из них прячутся, но некоторые соскальзывают в бассейн, чтобы охладиться, когда мы приближаемся. Они чрезвычайно привлекательны. Но златовласые пингины очаровывают нас еще больше своими внушительными головными уборами из длинных желтых перьев, которые торчат там, где должны быть уши. Выглядят они причудливо и диковато. В общем, просто великолепно.

— Их так назвали потому, что у них золотые перышки вокруг глаз? — спрашивает Дейзи.

— Честно говоря, не задумывалась, — признается Эйлин.

— Или в честь сказки про Златовласку? — гадают Дейзи.

Это объяснение кажется мне маловероятным, но никто из нас не знает наверняка. Мы наблюдаем, как два пингвина стоят на камне и прихорашиваются друг перед другом, вычищая блестящие перышки длинными клювами. Когда дело сделано, один из них спрыгивает с камня. Заметив зрителей, он ковыляет к нам и рассматривает нас сначала одним глазом, потом другим, его хохолок слегка развеивается на ветру. Затем он указывает клювом в потолок и раскачивает головой из стороны в сторону, его движения напоминают танец.

— О, вы только посмотрите на него! — восклицает Дейзи. Мне редко доводилось видеть ребенка таким зачарованным.

Пингвин взъерошивает свои перья, открывает клюв и издает громкий, мелодичный звук. У меня начинает щипать в глазах. На протяжении семидесяти с лишним лет я вообще не позволяла себе плакать, потому что кто-то однажды сказал, что слезы — признак слабости. Теперь я так не думаю, но мне все еще некомфортно проявлять любые эмоции на публике. Тем не менее, последнее время плачу я с досадной частотой и ничего не могу с этим поделать.

— Вот, миссис Маккриди. Возьмите.

Эйлин протягивает мне салфетку. В сумочке у меня лежит выстиранный и отглаженный носовой платок, но я с благодарностью беру ее салфетку.

— Ты в порядке, Вероника? — спрашивает Дейзи, запрокинув голову, чтобы хорошенько рассмотреть мое лицо.

— Это все проклятый синусит. Беспокоит меня время от времени, — резко отвечаю я.

Эти пингвины не совсем такие, как дорогие моему сердцу Адели, но они походят на них своей напористостью и энтузиазмом. Наш знакомый златовласый пингвин снова издает зычный звук.

— Его зовут Мак, — говорит нам смотрительница пингвинов, подходя ближе. Это молодая женщина с уверенным видом и развивающимся высоким хвостом. — Мы сами вырастили его. Он был совсем еще птенчиком, — добавляет она.

Я перевожу взгляд с нее на пингвина и обратно.

— И вам пришлось использовать шприц, чтобы кормить его тщательно сбалансированной смесью из криля и тунца, разведенных с водой?

Ее глаза слегка расширяются от изумления. Она выглядит так, будто пытается подобрать слова.

— Эм... Ну, это не я его...

— Это Вероника Маккриди, — перебивает ее Дейзи. — Она была в Антарктиде и спасла маленького

пингвина по кличке Пип, а потом она заболела, и Пип спас ее! И, — Дейзи переводит дыхание, — она дружит с Робертом Сэддлбоу!

— Тем самым Робертом Сэддлбоу, — добавляет Эйлин.

— Сэрром Робертом Сэддлбоу, — подчеркиваю я.

Должна признать, мне льстит восхищение моей протеже.

— Что же, твоя бабушка — невероятная женщина, — говорит смотрительница, очевидно не восприимчивая слова Дейзи всерьез. Я подумываю, стоит ли говорить, что никакая я ей не бабушка, но наплевать. В любом случае, все мое внимание занимает пингвин, он просто прекрасен.

— Можно мне покормить его? — нетерпеливо спрашивает Дейзи.

— Не сейчас. Время кормления наступит через двадцать минут.

Видно, что смотрительнице приятно вернуться к теме, в которой она хорошо разбирается. Она наклоняется к Дейзи и говорит с ней как старшая сестра:

— Тогда ты сможешь посмотреть, как они наслаждаются своим обедом. Может быть даже я дам тебе пару рыбешек, чтобы ты могла им помочь.

У меня уже устали ноги. Дейзи и Эйлин бегут искать вольеры с тюленями и выдрами, а я направляюсь в чайную. Там я покупаю кусочек вишневого пирога «Бейквелл» и чашку дарджилинга. По крайней мере, так они его именуют (скорее всего, чтобы оправдать дополнительный фунт в его стоимости), но вкус оставляет желать лучшего. Однако я не из тех, кто привык жаловаться.

Я сажусь за маленький столик у окна и смотрю на полоску моря, виднеющуюся за краем здания. После встречи со златовласыми и африканскими пингвинами мои мысли неизбежно стремятся обратно в Антарктиду, в колонию пингвинов Адели, к моей подруге Терри и мо-

ему внуку Патрику. Я вкладываюсь в исследовательский проект острова Медальон как метафорически, то есть душой, так и буквально, поскольку что я ежемесячно отправляю на него определенную сумму денег, главным образом потому, что теперь Патрик часть их команды.

Они с Терри вместе уже год. Терри на самом деле зовут Тереза, как вы поняли, и она на сто процентов женщина, хотя из-за отсутствия макияжа и приличной прически она никак это особо не подчеркивает. В отличие от сэра Роберта, она, скорее всего, никогда не станет телевизионной звездой, но, как и он, она одна из немногих людей на этой планете, кто сумел завоевать мое уважение.

Кто-то скажет, что Патрик не заслуживает такую девушку, как Терри, и когда-то я могла бы согласиться с этим. Патрик как икра. И не потому что это первоклассный деликатес (даже напротив!), но потому что он не всем придется по вкусу. Когда мы впервые встретились, а произошло это всего восемнадцать месяцев назад, я сразу же его невзлюбила. Его неряшливый внешний вид, отсутствие манер и незрелость, нехарактерная для его двадцати восьми лет, делает Патрика совсем не тем человеком, который мог бы мне понравиться. Мне непросто полюбить кого-то, и одного кровного родства здесь бы не хватило. Но мне удалось увидеть прекрасную сторону Патрика. Я видела, как он заботится о других. Как он обожает Терри. Как он любит пингинов.

Моя рука машинально тянется к шее, и я провожу пальцами по тонкой цепочке, на которой висит медальон. Я все еще ношу его каждый день под одеждой. Дейзи на днях заметила эту цепочку, и спросила меня, что это такое. Мне пришлось вытащить медальон и показать ей. Теперь девочке очень хочется иметь украшение, в котором можно спрятать важные для нее вещицы. Но я не стала показывать Дейзи, что внутри.